

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

О ТОМ, КАК ТРУДНО РЕШАТЬ
ЧУЖУЮ СУДЬБУ, КОГДА НЕ МОЖЕШЬ
РАЗОБРАТЬСЯ В СОБСТВЕННОЙ,
ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ

МАРИИ ВОРОНОВОЙ

Погружение в отражение

Идеальная жена

Сама виновата

Когда убьют - тогда и приходите

Жертва первой ошибки

Второй ошибки не будет

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

**ЖЕРТВА
ПЕРВОЙ ОШИБКИ**

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии
А. Дурасова

Издание осуществлено при содействии
Н. Я. Заблоцкиса

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Жертва первой ошибки : [роман] / Мария
Воронова. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.
ISBN 978-5-04-182590-4

Ирине так нравится в декретном отпуске, что она подумывает оставить судейское кресло и посвятить себя семье. Но если ты востребованный специалист, работа сама тебя найдет. Друг Кирилла пишет диссертацию по психологии серийных убийц и просит ее поделиться опытом. Неожиданно для самой себя Ирина оказывается втянутой в расследование череды странных смертей молодых женщин. Чтобы узнать правду, нужно объединиться с прокурором Макаровым, беспринципным чиновником, столкновение с которым едва не погубило карьеру Ирины.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст,
год первого издания 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2021

ISBN 978-5-04-182590-4

— Книгами надо обращаться аккуратно, — сказала Егору Гортензия Андреевна. Сын застыл на пороге, прижимая к груди пухлый потрепанный том.

— Читай, но помни, что книги мы берем только чистыми руками, а если хотим отметить, где остановились, то пользуемся для этого специальной закладочкой. Страницы загибать нельзя.

— Береги книгу, источник знаний, — пробормотал Виктор, не открывая глаз.

Ирина улыбнулась:

— Иди читай, сынок.

Егор побежал к краю участка, где Кирилл, муж Ирины, повесил гамак между удачно растущими рядом старыми соснами, дававшими широкую, но не густую тень.

Ирина и сама собиралась в редкие часы досуга полеживать в этом гамаке с книжечкой, однако толстые белые веревки впивались в тело даже сквозь несколько слоев байкового одеяла, а потому пришлось отказаться от этой идеи. А вот сыну эти мелочи были нипочем. Во-первых, он

в три раза меньше весил, а во-вторых, погружаясь в текст, совершенно выпадал из реальности.

Наступило сонное послеполуденное время, когда жара приятна, только если ничего не делать, и все расположились на лужайке под сенью старого клена. Гортензия Андреевна вязала в шезлонге, Ирина с маленьким Володей сидели на старом ватном одеяле, гость Виктор лежал на раскладушке, угрожающе просевшей под его мощной фигурой. Ирина улыбнулась. Раскладушка была ржавая, брезент ее побелел и истрепался, как старый парус, если сейчас прорвется, то появится хоть законный повод выкинуть этот хлам.

Гортензия Андреевна вдруг энергично тряхнула головой:

— Господи, что ж я... Егор, деточка, читай спокойно, не обращай на меня внимания.

— Спасибо, Гортензия Андреевна, — донеслось с гамака.

— Вы уж меня останавливайте, Ирочка... — явно смущаясь, проговорила старая учительница, — ведь это не я придираюсь к вашему сыну, а мой профессиональный условный рефлекс.

Виктор фыркнул и уронил монографию, которую пытался читать, себе на лицо, да так и оставил. Получилось что-то вроде домика.

— Видишь ребенка — сделай замечание, — продолжала Гортензия Андреевна, — не знаю, как долго бедный мальчик выдержит мой напор.

— Все в порядке, Гортензия Андреевна, — снова попыталась успокоить ее Ирина.

Гортензия Андреевна вздохнула:

— Ох, не знаю, насколько приятной гостьей я окажусь в вашей семье, ведь, кажется, у педагогов профессиональная деформация еще хуже, чем у работников правоохранительных органов.

Ирина пожала плечами:

— Трудно сказать. У всех, наверное, так, кто вкладывает в свой труд душу. Взять хоть врачей... А, Виктор?

— Аюшки? — из-под домика книжного переплета показался круглый глаз цвета весеннего льда.

— Как у вас с профессиональной деформацией?

— У нас нет.

— Вообще?

— Ни крошечки.

— Правда?

— Чесслово... — Виктор широко улыбнулся и сел, а Ирина замерла, ожидая треска рвущегося брезента, но в этот раз обошлось.

— Невозможно поверить...

— Ни малейшей деформации, — повторил Виктор, — просто через десять лет работы человек превращается в животное, умеющее лечить людей, и все. И нема проблем.

Гортензия Андреевна и Ирина с удивлением закивали.

В знойной тишине послышался шелест велосипедных колес по гравию. Ирина обернулась. В открытую калитку технично въезжал Кирилл, руля тяжелым великом одной рукой. В другой он на отлете держал трехлитровый бидон белой

эмали с маленьким черным сколом возле донышка.

— Ни капли не пролил, — отрапортовал Кирилл Виктору, с неожиданной бодростью ринувшемуся ему навстречу. Книга упала в траву, взмахнув тонкими сероватыми страницами.

— Вот, пожалуйста, пример аккуратного обращения с книгами, — буркнула Ирина, поднимая томик. «Психиатрия», учебник для медицинских вузов. Не поздноато ли взялся за него адъюнкт Виктор Зейда? Давно пора читать не буквари, а серьезные монографии.

Передав бидон Виктору и поставив велик возле забора, Кирилл извлек из кармана брюк плоский газетный сверток, и тонкий аромат раннего лета тут же исчез под натиском рыбной вони.

— Я тоже, пожалуй, выпью стаканчик пива, — сказала Гортензия Андреевна, отложив вязание, — и все же мне кажется, молодой человек, что вы клеветеете на себя и на свою профессию.

— Не-а! Мы на самом деле становимся как коты. Ложимся на больное место — и проходит.

Виктор проверил, устойчиво ли установил маленький плетеный столик, и радостно засмеялся.

— Хотя бы умные коты?

— Иногда и так бывает.

Кирилл развернул газетку, вызвав такую волну рыбного смрада таранки, что Ирина вскочила и подхватила Володю на руки.

— Коты такое точно есть не станут.

— Что, Ирочка?

— Я говорю, если вы сожрете эту падаль, то я больше никогда никаких кулинарных претензий на свой счет не принимаю, — сказала она сварливо.

Кирилл деловито постучал рыбиной по краю Витиной раскладушки и заметил, что это самый деликатес.

Ирина пожала плечами и вместе с младшим сыном отступила в тень. Жаркая июньская суббота — самое время рабочему человеку выпить пивка в мужской компании. Расслабиться, поговорить о таких вещах, которые глупые бабы не понимают, да и не должны понимать. Бессмысленно перебрать железки в гараже, обхаять тещу, всласть поматериться — все это нужно человеку для разрядки, и обычно Ирина сама гнала Кирилла тусоваться с друзьями прежде, чем он успевал с нею заскучать. Но теперь ситуация изменилась: она живет с детьми на даче, а Кирилл в городе, и так будет все лето, потому что отпуск он отгулял, если так можно назвать его вахту с детьми, пока Ирина выходила на работу по производственной необходимости.

Целых три месяца они будут видеться только по выходным, и то если падкий на работу Кирилл не возьмет сверхурочные или халтуру, и, честно говоря, хотелось бы проводить это время вместе, без посторонних. Ирина предполагала, что семейной идиллии будет мешать Гортензия Андреевна, приглашенная на весь отпуск, но старушка оказалась сама деликатность, а беда, как водится, пришла совсем с другой стороны.

В конце мая, еще до отъезда из Ленинграда на дачу, с Ириной связался профессор психиатрии, который не только выступал экспертом на ее процессах, но и довольно ретиво ухаживал за ней на нескольких официальных банкетах, когда она была еще не замужем. Любовниками они не стали, друзьями тоже, но зародилась между ними того рода симпатия, когда люди не видятся годами, но знают, что оба будут рады встретиться и помочь друг другу при необходимости.

Ирина сразу предупредила, что сидит в декрете, но воодушевленный профессор заявил, что так даже лучше. Больше времени останется у дорогой Ирины Андреевны размышлять над интереснейшим проектом.

Положив трубку, дорогая Ирина Андреевна задумалась, на какой вообще планете живут эти люди — мужчины, если к шестидесяти годам, имея множество детей и внуков, остаются при убеждении, что декретный отпуск — лучшая пора для научных размышлений в жизни женщины.

Готовясь принять у себя профессора с соратниками, Ирина твердо решила, что дело ограничится одной встречей. Выслушает, подскажет, сведет с компетентным человеком — и все, до свидания. В конце концов, у нее своя научная работа есть, настолько заброшенная, что Ирина уже почти забыла, что учится в заочной аспирантуре.

Профессор пришел в компании мужчины средних лет с мясистым носом и сочными губами